

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2024, Том 12, № 3 / 2024, Vol. 12, Iss. 3 <https://mir-nauki.com/issue-3-2024.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/10PSMN324.pdf>

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)

5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (психологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Петрова, С. М. Народные пословицы как психосоциокультурный феномен: их отражение в произведениях русских писателей / С. М. Петрова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2024. — Т. 12. — № 3. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/10PSMN324.pdf>

For citation:

Petrova S.M. Folk proverbs as a psychosociocultural phenomenon: their reflection in the works of Russian writers. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2024;12(3): 10PSMN324. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/10PSMN324.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

УДК 316.6

Петрова Светлана Михайловна

ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», Псков, Россия

Кандидат психологических наук

Доцент

E-mail: psm17031963@gmail.com

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=724907

Народные пословицы как психосоциокультурный феномен: их отражение в произведениях русских писателей

Аннотация. В статье представлен анализ пословиц как фактора развития общественного сознания, национальной культурной традиции и языкового наследия народа. Автор представляет пословицы как психосоциокультурный феномен, посредством которого в языковых сообществах реализуются их психосоциокультурные функции. Пословицы остаются наиболее сохранившимся и самым известным жанром устного народного творчества. В пословицах на протяжении веков аккумулировался социально-экономический и психологический опыт человеческого существования. Социокультурное значение пословиц заключается в сохранении культурно-исторического наследия, созданного и проверенного общественной практикой. В общественное сознание пословицы попадают «снизу» и являются продуктом стихийного языкового творчества народа. Первоначальное рождение и бытование народных пословиц происходит в крестьянской среде.

Для создателей письменности своих культур значение народных пословиц было очевидным. Пословицы, обретая письменную форму, продлевают существование в культуре через художественную литературу. Автор статьи считает, что в XIX в. становление личности писателей и формирование их взглядов находится под непосредственным и сильным влиянием народного творчества. Для русских писателей пословицы — источник мудрости, средоточием здравого смысла народа, проявление его практического ума, свидетельство правды жизни. Распространение институционального образования, предполагающего знакомство с литературой, содержащей народные пословицы, способствует их более широкому использованию в общерусском языковом пространстве. Народные пословицы исключительно органичны для русского языка, несут в себе кристаллы истории народа и национальной психологии. Существующий запас пословиц отражает национальную специфику русского

этнoса в совокупности накопленных народом знаний. В то же время в высказываниях представителей русской классической литературы можно встретить неоднозначное отношение к содержанию русских народных пословиц.

Ключевые слова: народные пословицы; психосоциокультурный феномен; произведения русских писателей

Введение

В любой культуре народные пословицы представляют собой осмысленное, сформулированное и проверенное реальным жизненным опытом Слово, одну из базовых основ самобытного развития общества, его значимого вклада в общемировую культуру человечества. Мир пословичных идей во всех культурах пронизан стихийным прагматизмом, праксиологией в реальной жизни и организации деятельности. Пословицы, как вербальное оформление образных оболочек жизненно значимых мыслей, являются существенным фактором развития общественного сознания.

Пословицы выполняют различные культурные, социальные, литературные и лингвистические функции. Многие из них имеют выраженную психологическую составляющую, что позволяет говорить о психологических функциях пословиц в психосоциокультурном бытии человечества, когда приоритетным становится не лингвистический, а психологический аспект психосоциокультурного феномена пословиц. В нашем исследовании народные пословицы рассматриваются как наиболее типичные образцы устойчивых фразеологизмов с переносным значением, посредством которых в языковых сообществах реализуются их различные психосоциокультурные функции.

Поскольку не все пословицы из всего фольклорного наследия сохраняют свое качество общеизвестности как инструменты мышления и общения уже в совершенно изменившихся социокультурных условиях, для нас существенным является вопрос, в какой степени пословицы вовлечены в живой дискурс, в актуальную речемыслительную деятельность человека, в привлечение их к пониманию индивидом реальных жизненных ситуаций. Социокультурный смысл живых пословичных идей состоит не в создании новых ценностей, а в сохранении созданного и уже проверенного общественной практикой культурно-исторического наследия.

Место народных пословиц в культурно-исторической памяти общества

В пословицах, раньше любых теоретических наук, веками накапливался социально-экономический и психологический опыт человеческого существования. Прикладная философия народных пословиц выростала из сфер социальных и межличностных отношений людей, на материале их повседневного труда и быта. По мысли А.А. Ухтомского, именно «жизнь и обыденная практическая наука оказываются фактически поставщиками содержательных истин» [1, с. 405].

Вся полнота характеристик изучаемого феномена представлена массивом функционирующих, живых пословиц, но и пословицы, вышедшие из употребления, интересны для понимания динамического комплекса условий поддержания фразеологизмами статуса пословиц. Пословицы в свое время открывались и изобретались, а затем становились частью устойчивого этоса и как нечто само собой разумеющееся передавали свое содержание в быт и поведение последующих поколений. Из-за значительных языковых изменений многие пословицы той поры не сохранились в разговорной речи, архивированы и остались только в письменных источниках. Некоторые из пословичных истин из-за незнания контекста

функционирования кажутся нашим современникам малопонятными и архаичными. Несмотря на то, что современная цивилизация существенно влияет на восприятие, понимание и использование народных пословиц в изменившихся социокультурных условиях, их содержательный и функциональный потенциал далеко не исчерпан, а их очевидная языковая традиционность предстает в массовом сознании вербальным подтверждением сохраняющейся в обществе преемственности. А.Н. Афанасьев в своем исследовании «Происхождение мифа, метод и средства его изучения» констатирует, что пословицы и поговорки важны «как выразительные, меткие, по самой форме своей наименее подверженные искажению образцы устной народной речи и как памятники издавна сложившихся воззрений на жизнь и ее условия» [2, с. 235].

За архивированными народными пословицами признается сохраняющееся значение важного культурно-исторического и художественного наследия. Пословицы — это персонализированные, т. е. прилагаемые к конкретному человеку, языковые метки и приметы истории и культуры соответствующего общества. Символика многих конкретных пословичных образов в разных культурах и в разное историческое время может быть совершенно различной. Одни пословичные идеи жестко привязаны к конкретной исторической эпохе, другие же носят общекультурный характер.

Из всего культурного наследия наиболее сохранными и общеизвестными являются именно пословицы. Они легче запоминаются, чаще актуализируются в различных ситуациях социального взаимодействия и поэтому сохраняются в коллективной памяти. Сохранность пословиц в современной культуре обеспечивается их зафиксированностью в различных текстах и знакомством с ними не только через общение, но и через чтение. «Услышать» и «прочитать» пословицу — различные речемыслительные процессы. Пословицы понимаемые, но неприменимые в собственной речи носителями той или иной культуры, будут сохраняться в их пассивном пословичном словаре необозримо долго, если они вошли в классические литературные тексты и в образовательный процесс. Письменная фиксация канонизирует те или иные пословичные формулы; демонстрирует типичные контексты, в которые они включаются; определяет коммуникативные нормы их применения.

Пословицы — это культурная традиция народа, его языковое наследие. Пословичная культура слова и мысли характеризуется выраженным этносоциальным колоритом. Аутентичные народные пословицы присутствуют не только в общественном сознании этносов, но и в языковых пространствах, образуемых носителями языка в рассеянии, а также при их переводе и в инокультурных сообществах. В массовое общественное сознание большинство пословиц попадает «снизу», из стихийного языкового творчества собственного народа. Некоторые же пословицы заимствуются и вводятся в оборот «сверху» образованными людьми из наследия других культур, чаще всего из греческой и римской античности, а также из религиозных текстов (зачастую через византийское посредничество). Собственно-народные пословицы, являясь частью соответствующих народных культур, в разной степени представлены в коллективном сознании различных социальных групп общества в целом: от минимального до заметного их употребления в общении и мышлении. При этом пословицы включаются во фразеологический словарь, общий для всего социума, независимо от конкретных групповых социокультурных различий.

Словари пословиц можно уподобить музеям: в них хранятся экспонаты, которые в реальной культуре разделены пространственно и временно. В виртуальных музеях паремнографических коллекций представлены пословицы из разных территорий, бывшие актуальными в разное историческое время и среди разных социальных групп. Достаточно полные национальные своды пословиц наглядно демонстрируют своеобразие различных традиционных культур, неповторимое многообразие их предметных и средовых реалий,

особенности их мироощущения и мировосприятия, неповторимые ансамбли ценностей, вкусов, привычных моделей поведения, т. е. узнаваемую индивидуальность культурного лица того или иного народа. В своих воспоминаниях об отце С.Л. Толстой писал: Лев Николаевич «говорил, что народная мудрость, выраженная в пословицах, поговорках, легендах, сказках и т. п., рассеяна по всей России; частицы ее можно услышать то от одного человека, то от другого; а в целом они, дополняя друг друга, выясняют мировоззрение русского народа» [3, с. 83].

Имеющийся запас пословиц, накопленный в словарях, возможно анализировать на предмет отражения в них национальной специфики русского этноса в совокупности накопленных народом знаний. По мнению А.Н. Афанасьева, народные пословицы — «это богатый источник для определения логических приемов и моральных убеждений русского человека, так точно, как и для уяснения различных сторон его жизни современной и прошедшей» [2, с. 27].

Для создателей и творцов письменности своих культур значение народных пословиц было очевидным. Первые, упоминая о пословицах как носителях народных воззрений, историки обнаруживают уже в самом начале документированной истории Руси. Как отмечает академик М.Н. Тихомиров, народное отношение к социальной проблематике, «нашло отражение в былинах, песнях и пословицах, сохранивших память не только о борьбе Руси с внешними врагами, но и народных восстаниях XI–XIII вв.» [4, с. 86]. В современной культуре народные песни, былины и даже сказки известны все меньшему числу членов своих сообществ, и уступают пословицам по своей распространенности и использованию в повседневной речи.

Первый письменный свод народных пословиц содержал около трех тысяч выражений и был составлен в XVII в.¹ Известен старинный сборник под названием «Собрание 4291 древних российских пословиц», который был издан А.А. Барсовым в 1770 году.² В литературном источнике русских пословиц и поговорок, составленном В.И. Далем в середине XIX века, содержится уже 30 130 пословиц, поговорок, пословиц и метких слов по 178 темам.³ Их Л.П. Козлова назвала «истинными произведениями искусства, в которых правдиво и ярко запечатлена жизнь русского народа» [5, с. 3]. Корпус русских народных пословиц может служить подтверждением и мысли Ф.М. Достоевского о том, что, собирательно, «в русском человеке видна самая полная способность самой здоровой над собой критики, самого трезвого на себя взгляда и отсутствие всякого самовозвышения, вредящего свободе действия [6]. Вместе с тем, национальные пороки в русских народных пословицах воплощаются в весьма скромном количестве и быстро архивируются.

Писатели о пословицах как источнике народной мудрости

Многие писатели и исторические деятели воздавали должное русским народным пословицам. Сжатая, простая форма уникальной для военных нарративов «Науки побеждать» А.В. Суворова во многом обязана доходчивому языку народных пословиц и поговорок, понятному и командиру, и солдату [7]. Интересно использование пословичной экспрессивной фразеологии Петром I в письме из-под Шлиссельбурга от 19 апреля 1703 года Т. Стрешневу,

¹ Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.) / Б.А. Ларин. — М.: Высшая школа, 1975. — 327 с.

² Барсов А.А. Собрание 4291 древних российских пословиц / А.А. Барсов. — Напечатаны при Императорском Московском Университете, 1770. — 320 с.

³ Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч. Императорское общество истории и древностей российских при московском университете / В.И. Даль. — М.: Напечатаны в университетской типографии, 1862. — 1095 с.

ведавшему набором солдат в армию: «Как ваша милость сие получишь, изволь не помедля еще солдат сверх кои отпущены, тысячи три или больше прислать в добавку, понеже при сей школе много учеников умирает, того для не добро голову чесать, когда зубы выломаны из гребня» [8, с. 64]. Поэтому Н.В. Гоголь отмечает, что «все великие люди, от Пушкина до Суворова и Петра, благоговели перед нашими пословицами. Уважение к ним выразилось многими поговорками: «Пословица не даром молвится», или «Пословица вовек не сломится» [9, с. 344].

Ю.Н. Тынянов в романе «Пушкин», характеризуя формирование круга читательских интересов поэта, подчеркивает, что в лице «особенно он полюбил книги философические и сборники изречений; краткие истины, иногда до странности очевидные, стоили стихов» [10, с. 315]. Впоследствии интерес к таким изречениям стал распространяться и на русские народные пословицы. По воспоминаниям В.И. Даля, А.С. Пушкин, обсуждая принесенные мемуаристом его собственные сказки, говорил о русском языке: «А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!» [11, с. 98]. Меткость используемых А.С. Пушкиным пословиц особенно заметна в его письмах. Н.В. Гоголь вспоминает, что «Пушкин, когда видел заботу не о главном, но о том, что уже исходит из главного, обыкновенно выражался пословицей: «Было бы корыто, а свиньи будут» [9, с. 305]. Характеризуя русские народные пословицы, Н.В. Гоголь замечает, что «произнесенные метко, все равно что писанное, не вырубляется топором» [12, с. 102]. Понимая, что пословичным не станет случайный образ, он в письме С.Т. Аксакову пишет: «Пословица не бывает даром...» [13, с. 168]. Анализируя произведения самого Н.В. Гоголя, А.М. Ремизов подчеркивает, что его поэма «Мертвые души» «крепко держится на гвоздях русской пословицы» [14, с. 78].

Многие писатели и поэты считают пословицы отражением мудрости, средоточием здравого смысла народа, проявлением его практического ума, источником правды жизни. Как сказано В.В. Князевым в стихотворении «Бабушка и внучек»: «В пословицах русский народ / Нас мудрости учит бесплатно!».⁴ Вяземский П.А. называет пословицы «заветами народной мудрости» [15, с. 191], а И.А. Гончаров характеризует их как «готовые сентенции старой мудрости».⁵ Н.С. Лесков считает, что пословицы есть «суть выражение народной мудрости» [16, с. 40] и ценит «великодушные, выражаемое народными пословицами», цитируя пословицу «Где гнев — там и милость» [16, с. 49]. В.И. Даль пишет о пословицах следующее: «Это свод народной премудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плачи и рыдания, радость и веселье, горе и утешенье в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская правда, своего рода судебник, никем не судимый».⁶

Уважение здравого смысла народа, который в полной мере нашел свое отражение в народном творчестве, характерно для целого ряда классиков отечественной литературы. Вот что пишет А.С. Пушкин в рецензии на второй том «Истории русского народа» Н.А. Полевого: «Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, не угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия провидения» [17, с. 239]. У Н.В. Гоголя читаем, что это «тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепок русский человек, ум выводов, так называемый задний ум. Пословица не есть какое-нибудь вперед поданное мнение или предположение о деле, но уже подведенный итог делу. Вследствие этого заднего ума, или ума окончательных выводов, которым преимущественно наделен перед другими русский человек, наши пословицы

⁴ Русская стихотворная сатира 1908-1917 годов. — Л.: Советский писатель, 1974. — 736 с. — С. 175.

⁵ Гончаров А.И. Обрыв / А.И. Гончаров. — М.: Художественная литература, 1984. — 447 с.

⁶ Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост.: Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. — М.: Просвещение, 1974. — 509 с. — С. 276.

значительнее пословиц всех других народов» [9, с. 343–344]. Ф.М. Достоевский отмечал, «какой иногда такт в суждении, какая зрелая практичность ума, меткость в слове проявляется в этом народе» [6, с. 136], что также находит свое отражение в пословицах.

Как замечает А.И. Герцен в «Былое и думы»: «В мире ничего нет великого, поэтического, что бы могло выдержать не глупый, да и не умный взгляд, взгляд обыденной жизненной мудрости. Это-то французы и выразили так метко пословицей, что «для камердинера — нет великого человека» [18, с. 168]. Здесь уместно привести признание классика психологического детектива Ж. Сименона на склоне своих писательских лет: «Тысячи старых крестьян куда больше психологи, чем я» [19, с. 293]. В эпоху классических словарей В. Даля общество состояло в основном из крестьянской массы, и пословицы можно с уверенностью полагать одной из языковых вершин народного самосознания и глубинной народной культуры.

Влияние народной культуры на взгляды и творчество писателей

В мире классических пословичных образов практически не отражены предметные реалии архитектуры, техники, государственного устройства, что косвенно свидетельствует о возникновении большинства пословиц именно в крестьянской культуре. Большинство накопленных в культуре пословиц — продукт обобщения опыта доиндустриального общества и крестьянского образа жизни.

Этот психосоциально-экономический контекст Д.В. Колесов характеризует следующим образом: «Жизнедеятельность крестьянина природосообразна и осуществляется циклично, в соответствии с периодичностью природных явлений. За ошибки или нерадивость крестьянина наказывают не люди, а сама природа. Крестьянин более свободен в своих решениях, чем рабочий. А это естественным образом связано с ответственностью и необходимостью полагаться лишь на самого себя» [20, с. 38]. Т.М. Красовская, анализируя влияние особенностей поморской культуры на формирование личности М.В. Ломоносова, отмечает, что «поморские пословицы четко описывали те или иные погодные явления, как например: «Закипела в море пена — будет ветру перемена» [21, с. 60].

Пушкинисты, изучавшие круг знакомых поэта в Михайловском, выделяют вороничского священника И.Е. Раевского, дочь которого А.И. Скоропостижная вспоминала, что ее отец ум имел сметливый, и крестьянскую жизнь, и всякие крестьянские пословицы и приговоры весьма примечательно знал. Я так про себя полагаю, что Пушкин через евоны разговоры кой-чего хорошего в свои сочинения прибавлял».⁷

Как отмечает в биографии И.А. Крылова Н.Л. Степанов, писатель «за годы скитаний досконально изучил язык народа, полюбил остроумие, меткость и живописность русских пословиц и поговорок, находчивость крестьянского просторечия» [22, с. 135]. Н.Л. Степанов констатирует, что «в языке Крылова как «семантические скрепы» (выражение В.В. Виноградова) вошли многочисленные пословицы, поговорки, формулы народной фразеологии, придающие басенной речи ощущение ее подлинной народности» [23, с. 99–100].

С.Л. Толстой вспоминал о своем отце Л.Н. Толстом: «В разговоре он нередко приводил русские пословицы, как общеизвестные, так и малоизвестные, записанные им от крестьян и богомольцев. Он указывал на неполноту некоторых общеизвестных пословиц и записал дополнения к ним, слышанные из уст народа» [24, с. 223].

⁷ Васильев М.Е. Музей «Святогорский монастырь» / М.Е. Васильев. — Л.: Лениздат, 1984. — 48 с.

В.А. Тонкова во вступительной статье к сборнику избранных произведений И.С. Никитина подчеркивает, что его поэзия развивалась под непосредственным и сильным воздействием народного творчества. Иногда это веселая, бодрая речь, порой — печальный певучий рассказ. Язык этих стихов сохраняет особенности разговорной интонации и разговорного словаря. Вполне естественно, что исследователи поэзии И.С. Никитина отмечают, что «близость к народному творчеству проявилась здесь в чрезвычайно характерном для поэта влечении к народным пословицам и поговоркам («Ни кола, ни двора», «Гол как сокол»)).⁸

В.Ю. Троицкий в статье «С думой о России» отмечает, что «рассказчик Лескова — почти всегда выходец из народной среды — не может не пользоваться богатейшей кладовой народной мудрости и народного опыта — прибаутками, пословицами, короткими сказками, анекдотами, историйками. В них, как замечал писатель, «всегда сильно и ярко обозначается настроение умов и вкусов».⁹

В романе И.А. Гончарова «Обрыв» бабушка «говорит языком преданий, сыплет пословицы, готовые сентенции старой мудрости, ссорится за них с Райским, и весь наружный обряд жизни отправляется у ней по затверженным правилам. Сквозь обветшалую и никогда никуда не пригодную мудрость у нее пробивалась живая струя здравого практического смысла, собственных идей, взглядов и понятий. Бабушка добыла себе, как будто купила на вес, жизненной мудрости, пробавляется ею и знать не хочет того, чего с ней не было, чего она не видела своими глазами, и не заботится, есть ли там еще что-нибудь, или нет. — Всякому, — говорила она, — судьба дает какой-нибудь дар. «Бог дурака, поваля, кормит!» — приводила она и пословицу в подкрепление. Судьба любит осторожность, оттого и говорят: «Береженого бог бережет».¹⁰

В рассказе А.И. Куприна «Бредень» ученый агроном В.В. Воркунов так характеризует народный крестьянский язык: «Для своего обихода, для своих несложных надобностей русский крестьянин обладает языком точным, самым ловким, самым выразительным и самым красивым, какой только можно себе представить. Все носит у мужика названия, наиболее краткие, удобные и легкие для памяти и произношения. И тут же инстинктивная работа языка над фонетическим благозвучием. Прекрасное течение речи, полнозвучной, русской правильной речи, не нарушаемой ни мычанием, ни искусственным кашлем, ни эканьем, ни умышленным повторением слов, ни дурацкими вставными словечками, ни заиканием. Все, что нужно сказать, говорится кругло, веско, и слова сами ложатся на полагающееся им место без натяжки. Мудрое слово импровизируется тут же на месте в виде краткого поучения, забавного сравнения, рифмованного афоризма, меткой характеристики».¹¹

В «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского похвалу русским пословицам воздает чудаковатый доктор Герценштубе, который «говорил по-русски много и охотно, но как-то у него каждая фраза выходила на немецкий манер, что, впрочем, никогда не смущало его, ибо он всю жизнь имел слабость считать свою русскую речь за образцовую, «за лучшую, чем даже у русских», и даже очень любил прибегать к русским пословицам, уверяя каждый раз, что русские пословицы лучшие и выразительнейшие из всех пословиц в мире».¹²

⁸ Никитин И.С. Избранные произведения / И.С. Никитин. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1972. — 352 с. — С. 23.

⁹ Лесков Н.С. Собрание сочинений в 12 томах. Том 1 / Н.С. Лесков. — М.: Правда, 1989. — 480 с. — С. 26.

¹⁰ Гончаров А.И. Обрыв / А.И. Гончаров. — М.: Художественная литература, 1984. — 447 с.

¹¹ Куприн А.И. Рассказы / А.И. Куприн. — М.: Советская Россия, 1979. — 416 с. — С. 368.

¹² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. В 2 томах. Том 2. Части 3, 4 и эпилог / Ф.М. Достоевский. — М.: Современник, 1981. — 544 с. — С. 392–393.

Народные пословицы исключительно органичны для русского языка, о котором А.И. Герцен в «Былом и думах» пишет: «Главный характер нашего языка состоит в чрезвычайной легкости, с которой все выражается в нем — отвлеченные мысли, внутренние лирические чувствования, «жизни мышья беготня» (из стихотворения А.С. Пушкина), крик негодования, искрящаяся шалость и потрясающая страсть» [25, с. 16]. Далее А.И. Герцен говорит о «демократической глубине нашего языка [25, с. 112].

Естественен интерес к самобытному языку народных пословиц у писателей-разночинцев. Например, Л.М. Крупчанова в статье «В поисках светлой правды» отмечает, что «яркий, сочный народный язык, уснащенный меткими остротами, пословицами, диалектизмами, придает очеркам А.И. Левитова реальной жизненной колорит». В очерках А.И. Левитова встречаются такие характерные упоминания о существующих в языке устойчивых фразеологизмах как «сельская пословица», «веками и психологией освященные поговорки».¹³

Характеризуя язык дневников М.М. Пришвина, во вступительной статье к изданию В.Д. Пришвина пишет: «В форму новеллы либо короткой записи, перекликающейся с народным сказом, поговоркой, пословицей, изречением, выливалось в значительной степени и творчество М.М. Пришвина».¹⁴ В дневниковых записях писателя содержатся во множестве афористические фразы пословичных форм: «Без навоза не вырастишь розу», «Хороший грибник не боится народа в лесу», «Наука делается кухаркой, поэзия свахой всего человечества», «Настоящее зло — хромое и ходит на костылях добродетели», «Хитрость — это обломок мудрости и служит вместо ума», «Общество держится типами и движется характерами», «Люди умирают не от старости, а от спелости», «Война учит всех» и т. п.

Современность активно теснит традиционное языковое наследие. Как констатирует фольклорист В.А. Миронов, «мы потеряли вкус к чистому деревенскому слову, подменив его рафинированным языком с примесью жаргонных диалектизмов и суррогата иностранного происхождения. Между тем хорошее, образное слово, берегаемое в той же поговорке, присловье, в строке от месяцеслова — как осколок того забытого чуда, имя которому — народный язык» [26, с. 4]. Следует отметить, что до оформления церковного месяцеслова именно народные пословицы были лексической формой бытования дневнерусского календаря [27, с. 11].

А.К. Югов в статье «О народности писательского языка» пишет: «Общеизвестно, что трудно соперничать с мыслиемкостью народных пословиц. Даль записал этих пословиц и поговорок свыше тридцати тысяч. Конечно, их было куда больше. Но через века народ пронес лишь элиту, отбор. В пословице словам тесно, а мысли просторно» [28, с. 188]. По образной характеристике С.Н. Булгакова «Язык носит в себе кристаллы истории, национальной психологии, вообще всегда есть не только организм, но и конгломерат» [29, с. 57]. Одними из своеобразнейших составляющих этого языкового организма и конгломерата являются пословицы и поговорки.

Границы использования культурно-созидающих возможностей русских народных пословиц, как носителей «почвеннического» начала, В.В. Розанов в начале XX века определял так: «Почвенное» собрал у нас только Даль, в «Пословицах русского народа», в «Толковом словаре великорусского языка». Но на этих «материалах» Даля политики не построишь. А нужно русскому человеку строить. Нельзя жить без дома, усадьбы, хозяйства, нельзя жить в пустыне, где раздаются «Великорусские говоры» и произносятся велемудрые пословицы и этнографические прибаутки» [30, с. 200]. Действительный пафос этих рассуждений — не

¹³ Левитов А.И. Избранное / А.И. Левитов. — М.: Советская Россия, 1980. — 480 с. — С. 20.

¹⁴ Пришвин М.М. Незабудки / М.М. Пришвин. — М.: Художественная литература, 1969. — 304 с. — С. 4.

обесценивание русских народных пословиц, а призыв не ограничиваться ими, шире пользоваться культурными достижениями других народов.

Ментальная самобытность народных пословиц в восприятии русских писателей

В высказываниях представителей русской классической литературы XIX века можно обнаружить неоднозначное отношение к русским народным пословицам.

В «Дневнике» Ф.М. Достоевского встречается следующее рассуждение о двусмысленности аксиологического измерения некоторых русских народных поговорок: «Поговорок в народе много всяких: ум народа широк, юмор тоже, развивающееся сознание всегда подсказывает отрицание — но это все только поговорки, в нравственную правду их народ наш не верит, над ними сам шутит и смеется, в целом своем, по крайней мере, их отрицает» [31, с. 153–154].

Рассуждая о парадоксах человеческой природы, Н.В. Гоголь иронически замечает, что «утопающий, говорят, хватается и за маленькую щепку, и у него нет в это время рассудка подумать, что на щепке может разве прокатиться верхом муха, а в нем весу чуть не четыре пуда, если даже не целых пять; но не приходит ему в то время соображение в голову, и он хватается за щепку» [15, с. 194–195]. Примером скептического отношения к устаревающей пословичной мудрости может служить мысль М.Е. Салтыкова-Щедрина о том, что пословицы — это «изречения, в которых, как в неприступной крепости, заключалась наша столповая, безапелляционная мудрость» [32, с. 157]. В частности, он задавал риторический вопрос: «Каким образом занести руку на вора, когда сама народная мудрость сочинила пословицу о карасе, которому не полагается дремать?» [32, с. 159].

Поэтому Н.С. Лесков считал, что нельзя распространять верование в народную мудрость на каждую пословицу, живущую в народе. «Есть между ними много таких, которые свидетельствуют о качествах совершенно противоположных мудрости и, конечно, относятся ко времени дикости нравов, стремления к порабощению и бесправью». Примером являются его рассуждения о пословице «Нанялся — продался» в статье «О наемной зависимости» [16, с. 40]. Мемуарист Н.Н. Иванов рассказывает об отношении Л.Н. Толстого к таким «глупым, дурным пословицам»: «Такие пословицы возникли среди глупых и дурных людей, и не стоит обращать на них внимание. Плохие пословицы, сказал Толстой, подобны песку или мякине в хлебе, и их сравнительно немного, да кроме того, многие из них так очевидно нелепы или неприличны, что сам народ употребляет их или в шутку, или по невежеству и дикости» [24, с. 392].

Суждения, сформулированные наиболее общеизвестными пословицами, подвержены тенденции тривиализации распространенной информации (даже самые парадоксальные научные открытия в физике, астрономии, медицине со временем воспринимаются общественным сознанием как совершенно очевидные и неоспариваемые). Сама общеизвестность пословичной формулы становится предпосылкой возможности выражения смысла, противоположного в ней содержащемуся. Так, один из персонажей сатирической «Современной идиллии» М.Е. Салтыкова-Щедрина в свои рассуждения включает следующий проблематизирующий пассаж: «Я — враг всякой неизвестности и, вопреки известной пословице, нахожу, что добрая ссора все-таки предпочтительнее, нежели худой мир».¹⁵ Заимствование даже гениальных, но чужих словесных формул для анализа конкретных ситуаций несет в себе опасность поведенческого лицемерия и имитации мышления. Например, составители примечаний к роману М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» так

¹⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. Современная идиллия. Сказки / М.Е. Салтыков-Щедрин. — М.: Современник, 1986. — 718 с. — С. 243.

характеризуют пустословную речь и «обманное» слово Иудушки Головлева: «Он не ищет слово, а легко берет готовое чужое. Истертая пословица, выхваченная из Священного Писания моральная сентенция, примелькавшаяся цитата из молитвы, ходячее изречение из арсенала старинной мудрости, истасканная житейская заповедь — все это затвердевшее, прописное, внутренне обесцененное, мертвое выступает у него нестерпимо скучным, назойливо нудным многоглаголением, скрывающим живые человеческие чувства и мысли».¹⁶ К обесцениванию значимости пословиц и к девальвации их смыслов приводит чрезмерное или неуместное использование устойчивых фразеологизмов в дискурсе как языковой практике. В связи с этим Писарев Д.И. сожалеет: «Мы были бы очень умными и очень счастливыми людьми, если бы многие истины, обратившиеся уже в пословицы или украшающие собой азбуки и прописи, перестали быть для нас мертвыми и избитыми фразами».¹⁷

С другой стороны, Вяземскому П.А. принадлежит интересное психологическое наблюдение, подтверждаемое русскими народными пословицами: «В русском уме есть жилка шутливости: мы более насмешливы, чем смешливы» [15, с. 197–198]. В.К. Кюхельбекер в своем дневнике от 21 мая 1832 года пишет: «Господствующий дух русских пословиц — ирония. Не знаю пословиц остроумнее русских: Старинные французские очень хороши, но не забавнее многих наших» [33, с. 513]. В.В. Набоков, иногда награждавший пословицы, печатавшиеся в календаре, эпитетами типа «идиотские», в эссе «Николай Гоголь» признавал, что «Знаменитый гимн носу в «Сирано де Бержерак» Ростана — ничто по сравнению с сотнями русских пословиц и поговорок по поводу носа. Мы вешаем его в унынии, задираем от успеха, советуем при плохой памяти сделать на нем зарубку, и его нам утирает победитель. Его используют как меру времени, говоря о каком-нибудь грядущем и более или менее опасном событии. Мы чаще, чем любой другой народ, говорим, что кого-то за нос или кого-то с ним оставляем. Сонный человек «клюет» им, вместо того чтобы кивать головой. Большой нос, говорят, — через Волгу мост, или — сто лет рос. В носу свербит к радостной вести, а ежели на кончике вскочит прыщ — то вино пить» [34, с. 539–540].

Поэтому сравнивая творения русского ума и мысли классических философских систем, В.В. Розанов отмечал: «У нас все же есть «мудрость» и «правда», от народных пословиц до вдохновенных «дневников» Достоевского и коротеньких рассуждений Толстого. Эти «системы» все разрушились: а из русских «поговорок» и «пословиц», созданных 1 000 лет назад, многие остаются верными, глубокими и правыми до сих пор, несмотря на весь совершившийся с тех пор прогресс» [35, с. 142]. Такое помещение народных пословиц и поговорок в контекст философского мышления достаточно нетривиально, однако имеет серьезные содержательные основания (и не только в отношении русских пословиц).

Заключение

В русской литературе примеры особого пословичного афористического стиля наблюдаются в текстах не похожих друг на друга писателей. Недостигаемые вершины этого стиля мы находим в творчестве Н.В. Гоголя, В.И. Даля, Ф.М. Достоевского, А.И. Крылова, А.С. Пушкина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого и др. Отметим, что если особым, конечным достоинством авторского текста писатель считает «неслыханную простоту» (Б.Л. Пастернак), то пословицы по факту своего существования являются ее носителями.

¹⁶ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 10 томах. Том 6 / М.Е. Салтыков-Щедрин. — М.: «Правда», 1988. — 494 с. — С. 458.

¹⁷ Борохов Э.А. Энциклопедия афоризмов: Мысль в слове / Э.А. Борохов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 1999. — 720 с. — С. 400.

Включение пословиц в произведения классиков своих литератур существенно повышает их шансы оставаться в статусе живых. Сам факт цитирования той или иной пословицы этими знаковыми фигурами имеет и верифицирующее, и эстетическое, и аксиологическое значение. Кроме того, перевод пословицы из повседневной речи в письменную литературу канонизирует, при наличии разных вариантов пословичной формулы, версии, приводимые именно классиками. Попадая в тексты классической художественной литературы, народные пословицы приобретают особое эстетическое достоинство и получают дополнительный языковой статус носителя стилистического примера.

Во временной перспективе, по широте распространения, степени авторитетности, общему влиянию на общественное сознание, с идеями и образами житейской психологии пословиц не могут соперничать ни изощренная мудрость профессиональных философов, ни изысканная фразеология писателей, ни лозунговая привлекательность высказываний исторических деятелей. Всей полнотой психосоциокультурных функций обладают пословицы, которые все знают, которым верят, с которыми соглашаются, с которыми, как таковыми, не спорят.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ухтомский А.А. Книга. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука / А.А. Ухтомский. — Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997. — 574 с.
2. Афанасьев А.Н. Народ — художник: миф, фольклор, литература / А.Н. Афанасьев. — М.: Советская Россия, 1986. — 367 с.
3. Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников в 2 томах. Том 2. — М.: Художественная литература, 1978. — 672 с.
4. Тихомиров М.Н. Древняя Русь / М.Н. Тихомиров. — М.: Наука, 1975. — 428 с.
5. Даль В.И. Избранные произведения / В.И. Даль; Сост. Н.Н. Акоповой; Предисл. Л.П. Козловой; Прим. В.П. Петушкова. — М.: Правда, 1983. — 447 с.
6. Достоевский Ф.М. Искания и размышления / Ф.М. Достоевский; Сост. и вступ. статья Г.М. Фридлендера. — М.: Советская Россия, 1983. — 462 с.
7. Суворов А.В. Наука побеждать / А.В. Суворов. — М.: Издательство АСТ, 2019. — 320 с.
8. Анисимов Е.В. Время петровых реформ / Е.В. Анисимов. — Л.: Лениздат, 1989. — 496 с.
9. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 7 томах. Том 6. Статьи / Н.В. Гоголь — М.: Художественная литература, 1986. — 544 с.
10. Тынянов Ю.Н. Пушкин / Ю.Н. Тынянов. — М.: Правда, 1981. — 608 с.
11. Шубин Б.М. Дополнение к портретам / Б.М. Шубин. — М.: Знание, 1989. — 256 с.
12. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 7 томах. Том 5. Мертвые души: Поэма / Н.В. Гоголь. — М.: Художественная литература, 1985. — 527 с.
13. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 8 томах. Том 8. Письма / Н.В. Гоголь. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2001. — 384 с.
14. Ремизов А.М. Огонь вещей / А.М. Ремизов. — М.: Советская Россия, 1989. — 528 с.

15. Вяземский П.А. Старая записная книжка / П.А. Вяземский. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — 416 с.
16. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 6 томах. Том 3 / Н.С. Лесков. — М.: АО «Экран», 1993. — 480 с.
17. А.С. Пушкин — критик / Сост. е.Н. Лебедев, В.С. Лысенко. — М.: Советская Россия, 1978. — 672 с.
18. Герцен А.И. Былое и думы. Части 6–8 / А.И. Герцен. — М.: Художественная литература, 1982. — 543 с.
19. Сименон Ж. Я диктую: Воспоминания / Ж. Сименон. — М.: Прогресс, 1984. — 520 с.
20. Колесов Д.В. Законы Муравейника (проблема совместных действий) / Д.В. Колесов. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2007. — 480 с.
21. Красовская Т.М. Поморская культура в формировании личности М.В. Ломоносова / Т.М. Красовская // Национальный психологический журнал. — 2012. — № 1(7). — С. 57–60.
22. Степанов Н.Л. Крылов / Н.Л. Степанов. — М.: Молодая гвардия, 1963. — 320 с.
23. Степанов Н.Л. Басни Крылова / Н.Л. Степанов. — М.: Художественная литература, 1969. — 112 с.
24. Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников в 2 томах. Том 1. — М.: Художественная литература, 1978. — 624 с.
25. Герцен А.И. Сочинения в 9 томах. Том 5 / А.И. Герцен. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. — 770 с.
26. Миронов В.А. Двенадцать месяцев года / В.А. Миронов. — М.: Советская Россия, 1991. — 176 с.
27. Калинин И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси / И.П. Калинин. — М.: Художественная литература, 1990. — 237 с.
28. Югов А.К. Собрание сочинений в 4 томах. Том 4 / А.К. Югов. — М.: Советская Россия, 1985. — 512 с.
29. Булгаков С.Н. Философия Имени / С.Н. Булгаков. — СПб.: Наука, 1998. — 447 с.
30. Розанов В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / В.В. Розанов; Под общ. ред. А.Н. Николюкина. — М.: Республика, 1995. — 736 с.
31. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Том 26 / Ф.М. Достоевский. — Л.: Наука, 1984. — 512 с.
32. Салтыков-Щедрин М.Е. Благонамеренные речи / М.Е. Салтыков-Щедрин. — М.: Правда, 1984. — 640 с.
33. Дельвиг А.А., Кюхельбекер В.К. Избранное / А.А. Дельвиг, В.К. Кюхельбекер. — М.: Правда, 1987. — 640 с.
34. Набоков В.В. Приглашение на казнь: Романы, рассказы, критические эссе, воспоминания / В.В. Набоков. — Кишинев: Литература артистикэ, 1989. — 654 с.
35. Розанов В.В. Собрание сочинений. Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.) / В.В. Розанов. — М.: Республика, 2005. — 413 с.

Petrova Svetlana Mihailovna

Pskov State University, Pskov, Russia

E-mail: psm17031963@gmail.com

RSCI: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=724907

Folk proverbs as a psychosociocultural phenomenon: their reflection in the works of Russian writers

Abstract. The article presents an analysis of proverbs as a factor in the development of public consciousness, national cultural tradition and linguistic heritage of the people. The author presents proverbs as a psychosociocultural phenomenon through which their psychosociocultural functions are realized in linguistic communities. The author presents proverbs as a psychosociocultural phenomenon through which their psychosociocultural functions are realized in linguistic communities. Proverbs remain the best-preserved and best-known genre of oral folk art. Over the centuries, proverbs have accumulated the socio-economic and psychological experience of human existence. The sociocultural significance of proverbs lies in the preservation of cultural and historical heritage created and verified by social practice. Proverbs enter the public consciousness «from below» and are a product of the spontaneous linguistic creativity of the people. The initial birth and existence of folk proverbs occurs among peasants.

For the creators of the written language of their cultures, the meaning of folk proverbs was obvious. Proverbs, taking written form, prolong their existence in culture through fiction. The author of the article believes that in the 19th century. The formation of the personality of writers and the formation of their views is under the direct and strong influence of folk art. For Russian writers, proverbs are a source of wisdom, the focus of the common sense of the people, a manifestation of their practical mind, evidence of the truth of life. The spread of institutional education, which involves familiarity with literature containing folk proverbs, contributes to their wider use in the all-Russian language space. Folk proverbs are extremely organic for the Russian language, they carry crystals of the history of the people and national psychology. The existing stock of proverbs reflects the national specifics of the Russian ethnos in the totality of knowledge accumulated by the people. At the same time, in the statements of representatives of Russian classical literature one can find an ambiguous attitude towards the content of Russian folk proverbs.

Keywords: folk proverbs; psychosociocultural phenomenon; works of Russian writers